

УДК 130.2

**МЕТАМОРФОЗЫ ТЕЛЕСНОСТИ:
ИСКУС ДИАЛОГИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ**

© 2014 г.

А.Н. Фатенков, М.В. Чиров

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

kfa@fsn.unn.ru

Поступила в редакцию 07.06.2014

В жанре диалога предпринимается попытка концептуальной реконструкции тела и телесности как природных и культурных феноменов.

Ключевые слова: человек, субъект, тело, телесность, реконструкция.

Исходный рубеж

М.Ч.: Когда речь заходит о телесности, постановка проблемы зачастую сводится к картезианскому дуализму – дихотомии души и тела. Нам кажется подобная постановка вопроса поспешной, ибо прежде всего мы должны учитывать неразрывную связь тела и сознания, впаиванность сознания в тело, поэтому рефлексия о теле – это рефлексия о субъектном теле, то есть о теле, отраженном в психической реальности субъекта, а не о некоей протяженности, взятой самой по себе. И сказать что-то о теле мы можем лишь не дав Ахиллесу догнать черепаху, то есть ровно как квантовая физика расщепляет материю, мы должны расщепить тело в его бесконечном становлении, в экзопроприации субъекта [см.: 1, с. 14–15], в его неудаче тело свое присвоить. Именно здесь нам открывается тело в своем ускользании, в своей, в силу этого, невозможности. Наша гипотеза проста: тело процессуально, ибо оно всегда есть процесс субъективации, тогда как наше мышление, наш язык, наша, если угодно, реальность (то, что находится по ту сторону зеркала психического аппарата) – субстанциональна, ибо пытается ухватить отражаемое в знаке. Обнаружить тело как таковое, как некую действительность невозможно, оно при всякой попытке как-то его конституировать ускользает от субъекта, оказываясь лишь его виртуальным образом, неким означающим.

А.Ф.: Отклонить картезианский дуализм – это замечательно. И это реалистично: и в смысле претворения возможности в действительность, и в смысле выхода именно к истинному образу действительности. В самом деле, телесное и душевное в нас не составляют слоёный пирог, а переплетены в живом организме до неразделимости. Даже современная когнитивистика (та, что уходит от механистических уста-

новок и моделей) без обиняков утверждает: в процессе познания задействована не отдельная, преимущественно ментальная, сторона человека, а всё наше психосоматическое существо, всё целиком. Критика картезианства, однако, сталкивается с серьёзными трудностями, если она продолжает класть в основание рассуждений бинарные конструкции из квазисубъектов, которые начинают мыслиться субъектами полноценными. Не возникает никаких проблем, если говорить о *телесном* и *душевном* (психическом, чувственном, волевом, интеллигибельном) как предикатах, причастных подлинному субъекту – человеку или животному. А вот разговоры о *теле* и *душе* провоцируют субстанциализацию и дуалистическую автономию их предметов. Причём тело неизбежно попадает в проигрышную ситуацию: оно всегда, будучи в первую очередь чьим-то, и после смерти организма с очевидностью выказывает собственную неполноценность и ущербность. Душа, не идентифицируемая с той же лёгкостью, что и тело, после смерти организма – ни как присутствующая среди прочего сущего, ни как отсутствующая – оказывается в более выгодном положении. Мне трудно согласиться с тем, что тело есть процесс субъективации, – нет, оно не сводится к нему, хотя, разумеется, от него неотделимо. И не в том смысле, что всякое тело непременно дорастает до субъектного статуса (помимо живых имеются ведь и косные, не живые тела), а в том, что процесс субъективации никогда не происходит вне и независимо от телесных форм. Тело вообще не есть только нечто процессуальное, оно всегда ещё и состоятельно, пусть даже это состояние банкротства. Тело субстанционально не в меньшей мере, чем мышление и язык, скорее наоборот: бывает бездумное и немое тело, бестелесных (по истоку) мыслей и символов не бывает. Субъективируется тот, кто не удовлетворяется ролью всего лишь субстанционально-

го. Таков, к примеру, человек. По крайней мере, в его гуманитарной интерпретации.

Тело и плоть в зеркальном зале ожиданий

М.Ч.: Прежде всего, стоит различать тело и плоть, следуя опрометчивой очевидности, можно сопоставить эти понятия с аристотелевскими формой и материей, понимая тело как форму, которую имеют любые материальные объекты, однако стоит учитывать то обстоятельство, что форма является лишь условной границей материи, ибо в материи нет промежутков, нет лакун. Объекты различны именно своей плотностью и структурой этой плоти. Тело всегда уже включено в другое тело, тело – это форма фрагмента плоти внутри плоти, именно так оно нам и дано. Стало быть, плоть как таковую мы и не воспринимаем. Но субъект, растворенный в системе означающих, может воспринимать тело лишь как отдельный объект, поскольку наши способности воспринимать и познавать ограничены (в силу чего объект локализуется в знаке) и клишированы, то есть язык уже предполагает сеть означающих, которой мы мыслим и в которую проецируем реальность. Сама плоть не имеет границ, тело нельзя помыслить уже хотя бы поэтому. Подобно тому, как неспособные помыслить все сущее философы начинают говорить о бытии, как сущности всего сущего, как форме всего сущего, и локализуют весь универсум в знак, – можно сказать, что в некотором смысле бытие человека и составляет его тело, тело человека – это бытие микрокосма, если исходить из классической онтологии.

Знак, соответственно и тело, находятся по ту сторону зеркала психического аппарата. Есть, казалось бы, опасность субъективного идеализма и как следствие солипсизма, если в качестве единственной реальности мы принимаем именно психическую реальность, где есть тело отраженное, но нет самой плоти. Но мы не отрицаем существование тела, мы лишь утверждаем, что по ту сторону зеркала нет реального тела, нет плоти, если угодно, материи без формы. Мы лишь утверждаем вслед за М. Хайдеггером, принимая тело в качестве бытия микрокосма, а плоть в качестве сущего: *тело есть ничто из плоти* [см.: 2], тело – это всегда означающее, отсылающее лишь к другим означающим, ибо зеркала не бьются и субъект всегда является заложником собственного сознания. Как замечает Ж.-Л. Марьон: «Экран, это антимир в мире, производит образы, никогда не отсылая их к какому-либо оригиналу: форма без материи, изображение это обладает лишь фантомной реальностью, полностью дематериализованной» [3, с. 98].

А.Ф.: Разумеется, плоть не тело. В отличие от него она не может похвастаться своими формами. Те либо табуированы и полностью утаены под покровами либо дезавуированы вульгарно разверзнувшейся или болезненно разбухшей плотью. Тело всегда оформлено, его форма не плоскостная, не сводима к внешним контурам, к силуэту. Тело, соседствуя с себе подобными, не только стыкуется с ними и накладывается на них, но их объемлет и объемлется ими, проникает и погружается в их глубь. Да, пустоты существуют лишь по видимости, по истине их не существует. Лёгкая прогулка на свежем воздухе неизбежно оборачивается движением в плотных слоях атмосферы. Тело из раза в раз выдавливает плоть, разрывает её, оккупируя отвоёванное пространство. Со времён Парменида не внешние очертания бытийной реальности, а её внутренняя структура, фактурность интересует философа в первую очередь. Без физических и смысловых потерь тело не выводится на экран, не смотрится в зеркале. Бреясь по утрам, произвольно корчишь рожи – не себе, своему отражению, своему *другому*, всему миру, глазами которого, чужими глазами, ты смотришь тогда на себя [ср.: 4].

Любопытный культурный факт: фигура вампира не отражается в зеркале, картинка фиксирует пустой интерьер. Вампир до безобразия *одержим другим*. Недалеко уходит от дракуловских интенций и человек перед зеркалом [см.: 4], как и всякий рефлектёр, корреспондентски уравнивающий отражённое с отражаемым, означающее с означаемым. Объёмное, коническое тело – осиновый кол, серебряная пуля – убивает нечисть. Слоёный плоский лист из благородного металла и стекла оставляет её среди живых, лишь позволяет в общих чертах, вчерне распознать, идентифицировать.

Тело подлинным образом познаётся не разглядыванием – прикосновением. На рубеже 20–30-х годов прошлого века, в течение пяти лет, сюрреалисты во главе с Андре Бретоном спорили: располагаем ли мы объективными критериями, позволяющими надёжно удостовериться, симулирует женщина оргазм или в действительности испытывает его? Сошлись, скорее, на том, что объективных (материальных и общезначимых) критериев нет [см.: 5]. Конечно! (Сколько потрачено времени... Прозаседавшиеся... Даёшь пятилетку в четыре года!) Единственный надёжный критерий тут материальный (телесный) и субъективный, связанный со способностями мужчины (надеемся всё-таки, что не кого-то другого), который овладевает здесь и сейчас данной конкретной женщиной. Если мы только наблюдаем со стороны за сексуальным

актом приглянувшейся особы, то отличить оргазм от его имитации невозможно. Если таковое случается, перед нами бездарная инсценировка, недостойная имени женщины.

Записному моралисту, бесстрастно возмущённому и возмутительно сладострастному, вдруг возникнет поблизости (обнаружится в собственном отражении?), ответим без стеснения, заручившись поддержкой Л.-Ф. Селина. Ах, о чём это мы! «...Ведь у “женщин” есть не только тела! хам! они ведь ещё и “спутницы”! разве вы забыли про их лепет, кокетство и туалеты? да на здоровье! тот, кому присущи суицидальные наклонности, может слушать их очаровательный лепет по три часа в день, это ему очень пригодится для того, чтобы повеситься!.. повыше! и побыстрее!..» [6, с. 216]. Возможно, чуть переборщили – но только чуть...

Тело видимое и невидимое

М.Ч.: У Ж.-Л. Марьона есть ещё одно замечательное выражение: «Только невидимое делает видимое Реальным» [3, с. 16], что значит – видеть и воспринимать материальные объекты мы можем лишь потому, что не видим материю, находящуюся между нами и этими объектами. Именно поэтому форма является лишь условной границей материи, а стало быть, субъектное тело является не только формой, ибо отражаемое тело уже является отражением действительности, в которую оно вписано, с которой оно состыковано дыханием, потоотделением, испражнением, совокуплением, отражаемым светом и т. д. Это то внеположенное в субъектном теле, что не вписывается в знак, обнажая его нехватку, что неустанно ранит субъекта. И дело вовсе не в плоти, и даже не в зеркале, а в том, что субъектное тело всегда будет субъекту непривычным, всегда будет кровоточить своей нехваткой, будет сверлить Реальным все попытки свое тело, любое тело конституировать, ибо в одно тело не войти дважды. Так как субъект есть не пристанное пере-при-своение, то есть субъект – это процесс субъективации мира, а не что-то завершённое, субъектное тело – также неконституируемо, оно процесс производства и конституции неудачных тел, производство поли-телесностей. Тело может являться нам целостным, только если мы попадаем в ловушку не-летающей стрелы Зенона, иллюзию, что в фотографии нет движения. Любое тело – это политело, завод по производству неудачных тел. Невидимое всегда будет кричать о принципиальной невозможности субъекта видеть! Неустанно повторяя, что субъект – это неудачник, и тело субъекта – это тело неудачника!

А.Ф.: Видимое и невидимое, истинное и ложное, реальное и иллюзорное – не знаешь зачастую, как по правде их соразмерно грамматически запечатлеть: то ли через тире, множа бинарные оппозиции, то ли через дефис, монистически связывая и переплетая растрескавшееся сущее. Извечная проблема: в раскрытом больше его самого, или наоборот, больше иного, сокрытого? (По версии А. Арто, и вовсе истинное выражение напрочь скрывает то, что оно делает видимым [см.: 7, с. 162].) Единственно верного ответа на интересующий уровень (не для себя, для многих) здесь нет и быть не может. Чрезвычайно велико, уникально значимые точки опоры и точки зрения приоткрывающего, всегда только приоткрывающего, всякое нечто, делающего это для себя или / и для другого. Экспериментатору и наблюдателю никогда не сойти со своего правого места, пока он притязает на истину, не оставляет её. Точка опоры не эфемерная материальная точка, а реальный природно-культурный плацдарм, грунт (спасибо немцам!), основа.

Симпатичным, стилистически изысканным французам, стремящимся эмоционально-натуралистически преодолеть картезианство, нередко недостаёт, как ни странно, положительных эмоций и натурного шарма (весь усох до галантности?). Съежат свой ум от скепсиса (картезианство-то никуда не делось, оно в крови, в витальных импульсах) и выплеснут на собеседника гипертрофированную неприязнь к человеческому и природному миру. И чего ж удивляться: если природа – «ужасная мерзость», а человек – «подлая тварь», то тело реально постольку, поскольку «на него почти всегда грустно и противно смотреть» [см.: 8], и в жизни «имеет значение только то, чего не видишь, а всё, что ты видишь и слышишь, – это маскарад, кривляние, театр!..» [9, с. 150].

На самом деле с природой и её телами не всё так плохо. И это единственная серьёзная посылка для отвержения картезианства и прочих универсалистских проектов Покорения-Преображения. Ограничься некоторыми вершинами! Зачем тебе все? Ведь не сдюжишь... В непреодоленном дуализме недоверие к телесности, её плюралистическая нарезка симметрична выпадам против рационально удостоверяемого мыслящего Я. У П. Клоссовского читаем: «...миллионы “я”, которых ты подавляешь в себе, мертвы и миллионы раз воскрешены в тебе, в неведении о чём пребывает твоё единственное “я”!» [10, с. 234], которое, и здесь на память приходит Ж. Батай, отвечает предельным требованиям жизни лишь в качестве иллюзии [см.: 11, с. 95].

Не стоит особо напрягаться по поводу изъянов нашего тела. Несовершенство с необходимостью не плодит неудачу, скорее оно развенчивает иллюзию. Совершенное тело неприкасаемо. Или индифферентно к осязаниям. Или приурочено к единственному прикосновению в сакральном акте жертвоприношения. В любом случае оно обречено. На восторги – без любви и понимания. На эталонное использование или образцовую бесполезность. На ирреальность, пусть и эстетически безупречную. На схоластические прения, наконец.

Тела совершенные, тонущие и не тонущие совершенно

М.Ч.: Идеальным телом, ясное дело, не обладает никто, разве что Иисус, ибо тело Бога совершенно. Но что особенного в этом теле? И что позволяет телу Христа ходить по воде? Ведь его тело нарочито человеческое, наличие которого он неустанно доказывает, особенно после воскрешения, когда он позволяет Фоме проникнуть в собственную плоть. Нужно подчеркнуть, проблема не в том, что у Бога есть тело, если оно всего лишь знак, но в том, что у Бога есть плоть, то что делает причастие к Богу, к его телу, возможным.

Вспомним, что ходить по воде мог не только Иисус, мы знаем из Евангелия, что Петр тоже сделал пару шагов, правда прогулка его была явно неудачной, Петр начинает тонуть, когда на него влияет внешний фактор:

«Петр сказал Ему в ответ: Господи! если это Ты, повели мне прийти к Тебе по воде. Он же сказал: иди. И, выйдя из лодки, Петр пошел по воде, чтобы подойти к Иисусу, но, видя сильный ветер, испугался и, начав утопать, закричал: Господи! спаси меня. Иисус тотчас простер руку, поддержал его и говорит ему: маловерный! зачем ты усомнился?» (Мф. 14: 28–31).

Почему тонет Петр? Что происходит в психической реальности Петра? Он знает, что не утонет, ибо верует, и первые шаги должны укрепить его уверенность, но как только он видит ветер, видит его как чужеродный и пугающий элемент реальности, который ему не подвластен и враждебен, он теряет воду под ногами. В момент испуга, как известно, внимание субъекта резко концентрируется на себе самом, обнажая отчужденность субъекта, его внутреннюю нехватку, его телесность. Поэтому Петр начинает тонуть.

Есть другой, не менее интересный пример. Почему тонет «Титаник», это гигантское означающее, не имеющее в себе никаких лакун и сомнений, на пути к Богоподобной Америке

внезапно начинает тонуть. Если «Титаник» не утонет, то главные герои утратят свою любовь, свое счастье, ибо все, что происходит на борту «Титаника», не может отразиться в обыденной реальности его героев. На этом настаивает Славоу Жижек в фильме «Киногид Извращенца: Идеология» (Великобритания, Ирландия, 2012). Можно добавить, что «Титаник» начинает тонуть, когда его реальное присутствие становится уже невыносимо, подпольные желания героев обнажаются настолько, что они уже готовы утратить действительность, из которой пришли, это присутствие знаменуется появлением айсберга, этого вампира, чье реальное тело не отражается на поверхности воды. «Титаник» в его неспособности к отражению должен утонуть, рассыпаться, расколоться, что собственно происходит как с ним, так и с его героями.

Уловка же Христа в том, что у него есть отражаемое (воображаемое) тело, но нет тела действительного, он знает, доказать свою телесность несложно, нужно лишь, чтобы в психической реальности воспринимающих его субъектов отражалось тело, ведь даже проникновение Фомы в тело Христа есть лишь отражение, то есть Иисус – это антивампир, тот, кто имеет отражение, но не имеет действительного тела, в этом его абсурдность, достойная тертуллианской веры! Тело Христа не имеет изнанки, его тело это медаль, не имеющая оборотной стороны, эдакая медаль Мёбиуса. Поэтому оно не наделено тем фундаментальным отчуждением, что делает из субъекта неудачника.

А.Ф.: Известно, Тертуллиан в споре с оппонентами настаивал не только на телесности Христа, но именно на его телесности из земной, человеческой плоти [см.: 12]. Тут опять всплывает давешняя оппозиция: плоть – тело. Но уже в ином свете. Плоть, уступая телу в стройности и оформленности, превосходит его тем, что органично и непосредственно связана с рождением, а стало быть, с жизнью и смертью. Плоть естественна, более чем всё остальное сущее. Тогда как тело может быть искусственным, слепленным, сконструированным иной, чужеродной инстанцией; оно всегда опосредовано кем-то и чем-то. Христос наделяется совершенными характеристиками по формуле «нераздельны и неслиянны». Таковы – канонически – оба его начала, божественное и человеческое. Таковы, надо думать, его тело и плоть; плоть твёрдая (кости, мышцы) и жидкая (кровь). Поэтому он не тонет: кровь без отягощения стелется по воде, бежит по волнам.

«Титаник» – это претенциозно инкрустированная гигантская пустота. Люди, купившие на него билет, были изначально обречены. (Кто-то

из зрителей фильма ещё успеет, правда, пересмотреть завещание.) Пустот в сущем не существует, не должно существовать... Затонул не корабль, его обломки – сам он прежде разбился о твердь, принесённую и отторгнутую морской стихией. В земном мире нет бессрочного совершенства, как и не таящих угрозу фазовых диаграмм. Редки в нём неразбившиеся надежды.

Не повернуть ли, хотя бы вполоборота, к миру небесному? Незачем, говоря откровенно... Тертуллиан, ссылаясь на доступный ему перевод Евангелия от Иоанна, подчёркивает: Христос зачат в чреве женщины, но не от соития, «не от желания плоти и не от желания мужа... Он рождён» [12, с. 181] (ср.: Ин. 1: 13 в канонической версии). Но будет ли любимо дитя, рождённое не от желания? Нет. Оно первоначально становится предметом безукоризненной жалости – и безжалостных укоров. Такова доля пасынков, такова же участь и Сына человеческого. Любовь – собственно человеческая, великая в малом – не случилась с ним. Что она без рождения ребёнка? Несчастье или забава. Апологет догадывается о казусе и выгораживает Христа, не оставившего после себя потомства во плоти: «Изменить природу есть большее дело, чем создать материю» [12, с. 168]. Звучит вполне по-картезиански...

Телесный человек, реальность, гиперреальность

М.Ч.: Культура XX века, на разных своих полюсах, подарила нам двух замечательных близнецов: первый, ирландский писатель и драматург-абсурдист Сэмюэль Беккет, личность загадочная, посему представляющаяся нам лишь концептуальным персонажем (как это понимает Ж. Делез), расщепленным в процессе собственной экзопририации, – пытаюсь познать себя, пробраться сквозь непроходимый лес собственной личности, С. Беккет производит побочных персонажей, таких как Мерфи, Белаква, Уотт, Моллой, Мэллон, Мерсье, Безымянный и т.д.; второй, представитель поп-культуры, персонаж фантастического американского телесериала конца 80-х – начала 90-х, под названием «Квантовый скачок», – доктор Сэмюэль Беккет, персонаж этот, не имеющий собственного тела, точнее вырванный из него, обречен перемещаться в тела других людей в определенные моменты прошлого, с целью изменить историю этих людей, исправить их ошибки, и, таким образом, доктор С. Беккет также расщеплен на множество побочных персонажей в попытке обрести наконец некогда утраченное собственное тело.

Первый С. Беккет, деконструируя собственную телесность через Моллоя, Морана, Мэллона и Безымянного, приходит к утрате плоти как таковой. В трилогии С. Беккета действительное тело деконструируется именно в попытке его конституировать и реконструировать, здесь тело расчленяется сквозь оптику психической структуры согласно лакановской топике: Моллой и Воображаемое тело, Мэллон и Реальное тело, Безымянный и Символическое тело. Персонажи С. Беккета, желая обрести реальность, стремятся к собственному отсутствию, ибо «нет ничего реальнее, чем ничто» [13, с. 232]. Единственное, что остается занозой в становлении-отсутствии, это тело символическое, тело-знак. Парадокс, на который натывается С. Беккет, связан с необходимостью увидеть результат этого становления, увидеть отсутствие, обозначить смерть знака: «жить, и так долго, чтобы почувствовать, как за моими глазами закрываются другие глаза» [13, с. 237]. Тело недеконструируемо за порогом этой точки. С. Беккет постоянно тяготеет к тезису Дж. Беркли «существовать, значит быть воспринимаемым», а значит, стать отсутствием невозможно, ибо невозможно уничтожить тело отраженное, тело-знак, – но тело не умещается в этот знак, потоки сознания, переплетаясь с потоками полителесности, не имеют ни начала ни конца. Так же и второй С. Беккет, погрязший в чужих телах, может видеть свое тело, вспомнить себя, верифицировать свое существование, только заглянув в зеркало, ибо в каком теле бы он сегодня ни находился, лишь его отражение не даст ему утратить себя в потоке полителесности.

А.Ф.: Культура модерна гипертрофирует и гипостазировывает скепсис, за которым маячит ничто. И здесь она прямо наследует Р. Декарту, чьими усилиями классическое тождество «бытие равно бытию» трансформируется в современное «сомнение равно сомнению». Отсюда и вытекало, что нельзя сомневаться ни в истинности сомнения, ни в реальности перманентно сомневающейся мысли и её носителя. Вот и Уотт, персонаж С. Беккета, который, по словам автора, «так толком и не родился», «вечная полутень», существует лишь для того, «чтобы он в нужде наблюдал её отсутствие» [см.: 14, с. 404, 330]. Если Бог Тертуллиана чем не *желает* быть, тем не *желает* и казаться [см.: 12, с. 162], то беккетовский мистер Нотт не *нуждается* ни в чём, кроме отсутствия нужды и наблюдателя своего отсутствия нужды [см.: 14, с. 330]. В первом случае высшее существо проецирует себя на мир желаний, их наличия или отсутствия, во втором – на мир нужды, исключительно отсутствующей.

Культура постмодерна, доводя начатое Р. Декартом до логического конца, дробит и шлифует гипостазированный скепсис, сплющивая его до множества зеркальных плоскостей. Ликвидируется уже само тождество, каждый член коего становится его отсутствием, образом без прообраза, означающим без означаемого. Модерн, максималистски вознося автора и его самовыражение, вместе с тем бережно укрывает творческую натуру за выраженным ею. Герой О. Уайльда знает: «всякий портрет, написанный с любовью, – это, в сущности, портрет самого художника, а не того, кто ему позировал», и всё же «искусство в гораздо большей степени *скрывает* художника, чем *раскрывает* его...» [15, с. 75, 174]. Постмодерн, помимо выражаемого посредством деконструкции, ничего знать не хочет. Ж. Бодрийяр, к примеру, видящий в мире кромешное зло и идеальное преступление, недвусмысленно склоняется к тому, что нас ждёт такая гипертрофированная экспансия виртуальной гиперреальности, которая приведёт к эмплзии, втягиванию мира в виртуальную сеть [см.: 16]. Постмодернист констатирует: зло в прозрачности, которая устранила всякую таинственность. Однако всерьёз бороться со злом философ не собирается – только поиграться с ним, а заодно и с добром, потому как последнее есть лишь выступающая на поверхность часть зла. (Не на эту ли добрую половину айсберга и натолкнулся «Титаник»?) Столетием ранее Ж.-К. Гюисманс пронизательно заключил: чрезмерное тяготение ко всему искусственному детерминировано квазибогословским складом мышления [см.: 17, с. 90]. И верно, когда со ссылкой якобы на Екклезиаста была обнародована дешифровка понятия «симулякр» – это «отнюдь не то, что скрывает собой истину: он есть истина, скрывающая, что её нет», – имитации почти никто не заметил [см.: 16, с. 77]. В противовес ироничному смирению постмодернистов Л.-Ф. Селин, кстати, тоже не оптимист по жизни, решительно боролся со злом и профессиональным эмпирическим врачеванием, и нетривиальными художественно-теоретическими рецептами из арсенала криотерапии: «посадите человечество ж... на лёд!» [см.: 18, с. 369]. Почему бы и нет – для профилактики, от виртуа-

листической проказы... Кредо телесного человека: *ничего сверх реальности!*

Список литературы

1. Мазин В.А. Субъект Фрейда и Деррида. СПб.: Алетейя, 2010. 256 с.
2. Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. В.В. Библина. СПб.: Наука, 2006. 451 с.
3. Марьон Ж.-Л. Перекрестья видимого / Пер. Н.Н. Сосна. – М.: Прогресс-Традиция, 2010. 176 с.
4. Бахтин М.М. <Человек у зеркала> // Бахтин М.М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000. С. 341.
5. Исследование сексуальности (январь 1928-го – август 1932-го) [Архивы сюрреализма, т. V. С предисл. и коммент. Жозе Пьера] / Пер. Ф. Брод. М.: Логос, Европейские издания, 2007. 240 с.
6. Селин Л.-Ф. Север: Роман / Пер. М. Климовой и В. Кондратовича. СПб.: Ретро, 2003. 510 с.
7. Арто А. Восточный театр и западный театр / Пер. Г. Смирновой // Арто А. Театр и его Двойник. СПб.: Симпозиум, 2000. С. 159–164.
8. Селин Л.-Ф. Путешествие на край ночи: Роман / Пер. Ю. Корнеева. Харьков: Фолио; М.: Аст, 1999. 496 с.
9. Селин Л.-Ф. Ригодон: Роман / Пер. М. Климовой и В. Кондратовича. СПб.: Ретро, 2003. С. 5–268.
10. Клоссовски П. Бафомет // Пер. В. Лапицкого. СПб.: Амфора, ТИД Амфора, 2011. С. 139–296.
11. Батай Ж. Жертвоприношения // Locus Solus. Антология литературного авангарда XX века / Пер. и сост. В.Е. Лапицкого. СПб.: Амфора, ТИД Амфора, 2006. С. 93–101.
12. Тертуллиан. О плоти Христа / Пер. с лат. А.А. Столярова. М.: Прогресс-Культура, 1994. С. 161–187.
13. Беккет С. Безымянный. Мэлон умирает / Пер. А. Комаринец. М.: Аст, 2013. 382 с.
14. Беккет С. Уотт: Роман / Пер. П. Молчанова. М.: ЭКСМО, 2004. 416 с.
15. Уайльд О. Портрет Дориана Грея / Пер. М. Абкиной // Уайльд О. Избранное. М.: Правда, 1989. С. 67–272.
16. Бодрийяр Ж. Пароли. От фрагмента к фрагменту / Пер. Н. Сулова. Екатеринбург: У-Фактория, 2006. 200 с.
17. Гюисманс Ж.-К. Наоборот: Роман / Пер. Е.Л. Кассировой под ред. В.М. Толмачёва. М.: Free Fly, 2005. 240 с.
18. Селин Л.-Ф. Из замка в замок: Роман / Пер. М. Климовой и В. Кондратовича. Харьков: Фолио; М.: Аст, 1999. 416 с.

THE METAMORPHOSIS OF THE BODILY NATURE: THE TEMPTATION OF DIALOGIC RECONSTRUCTION

A.N. Fatenkov, M.V. Chirov

This article written in the genre of dialogue represents the authors' attempt at a conceptual reconstruction of the body and bodily nature as natural and cultural phenomena.

Keywords: human, subject, body, somatic, reconstruction.

References

1. Mazin V.A. Subekt Frejda i Derrida. SPb.: Ale-tejja, 2010. 256 s.
2. Hajdegger M. Bytie i vremja / Per. V.V. Bi-bihina. SPb.: Nauka, 2006. 451 s.
3. Mar'on Zh.-L. Perekrest'ja vidimogo / Per. N.N. Sosna. – M.: Progress-Tradicija, 2010. 176 s.
4. Bahtin M.M. <Chelovek u zerkala> // Bahtin M.M. Avtor i geroj: K filosofskim osnovam gumanitar-nyh nauk. SPb.: Azbuka, 2000. S. 341.
5. Issledovanie seksual'nosti (janvar' 1928-go – avgust 1932-go) [Arhivy sjurrealizma, t. V. S predisl. i komment. Zhoze P'era] / Per. F. Brod. M.: Logos, Evro-pejskie izdanija, 2007. 240 s.
6. Selin L.-F. Sever: Roman / Per. M. Klimovoj i V. Kondratovicha. SPb.: Retro, 2003. 510 s.
7. Arto A. Vostochnyj teatr i zapadnyj teatr / Per. G. Smirnovoj // Arto A. Teatr i ego Dvojniki. SPb.: Sim-pozium, 2000. S. 159–164.
8. Selin L.-F. Puteshestvie na kraj nochi: Roman / Per. Ju. Korneeva. Har'kov: Folio; M.: Ast, 1999. 496 s.
9. Selin L.-F. Rigodon: Roman / Per. M. Kli-movoj i V. Kondratovicha. SPb.: Retro, 2003. S. 5–268.
10. Klossovski P. Bafomet // Per. V. Lapickogo. SPb.: Amfora, TID Amfora, 2011. S. 139–296.
11. Bataj Zh. Zhertvoprinoshenija // Locus Solus. An-tologija literaturnogo avangarda XX veka / Per. i sost. V.E. Lapickogo. SPb.: Amfora, TID Amfora, 2006. S. 93–101.
12. Tertullian. O ploti Hrista / Per. s lat. A.A. Stol-jarova. M.: Progress-Kul'tura, 1994. S. 161–187.
13. Bekket S. Bezymjannyj. Mjelon umiraet / Per. A. Komarinec. M.: Ast, 2013. 382 s.
14. Bekket S. Uott: Roman / Per. P. Molchanova. M.: JeKSMO, 2004. 416 s.
15. Uajl'd O. Portret Doriana Greja / Per. M. Abki-noj // Uajl'd O. Izbrannoe. M.: Pravda, 1989. S. 67–272.
16. Bodrijjar Zh. Paroli. Ot fragmenta k fragmentu / per. N. Suslova. Ekaterinburg: U-Faktorija, 2006. 200 s.
17. Gjuismans Zh.-K. Naoborot: Roman / Per. E.L. Kassirovoj pod red. V.M. Tolmachjova. M.: FreeFly, 2005. 240 s.
18. Selin L.-F. Iz zamka v zamok: Roman / Per. M. Klimovoj i V. Kondratovicha. Har'kov: Folio; M.: Ast, 1999. 416 s.